

Братья Запашные

ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ ОПАСНО

Когда на арене выступают братья Запашные, в цирке на проспекте Вернадского — аншлаг. Впервые они зашли в клетку с хищниками, когда были первоклассниками. Мальчишки пригласили друзей на репетицию своего отца, знаменитого дрессировщика Вальтера Запашного, и уговорили папу разрешить им зайти вместе с ним в вольер к тиграм и львам. Как только дверца открылась, вся ребячья смелость мигом исчезла. Но отступить было стыдно. Сыновья повисли на отце с двух сторон. Вальтер мог тут же вытолкнуть их из клетки, но он поступил иначе: прижав ребят крепче, обошел манеж. Звери насторожились, однако напасть на перепуганных детенышей хозяина не посмели. Эти несколько минут показались мальчишкам вечностью. Враждебные взгляды хищников, готовых к атаке, запомнились на всю жизнь. Рисковать напрасно больше не хотелось. Но прошло время, мальчишки выросли и снова вышли на арену, только теперь уже как дрессировщики, продолжатели династии Запашных.

— При желании любой человек может стать дрессировщиком, или нужно обладать каким-то особым даром, чтобы хищники боялись и уважали?

АСКОЛЬД: Чтобы добровольно рисковать жизнью нужно, конечно, иметь характер и очень любить эту профессию. Но, кроме желания и психологического состояния, то есть элементарно — боишься или не боишься, существуют технические моменты. Ведь у нас в России нет школы дрессуры, и не только тигров и львов, но даже кошек.

ЭДГАРД: В Цирковом училище дрессировщиков не готовят. Все секреты передаются из уст в уста — по династии, или от учителя к ученику. Вообще есть три человеческих качества, которыми просто необходимо обладать, чтобы стать дрессировщиком. Первое — огромное терпение по отношению к животным. Я, например, по жизни очень вспыльчивый, могу легко перевести разговор в скандал, ввязаться в драку. Но это не значит, что я так же веду себя с животными. Надо понимать, что они — особенные существа, у них свой взгляд на мир, на людей. Работая с хищниками, ты обязан помнить: они не простят тебе твоих ошибок, твоей слабости, потому что им природой дано право убить тебя. Это второе. И третье, самое главное — нормальная, естественная любовь к «братьям меньшим». Вот три, наверное, самых главных качества, и если они заложены в человеке, то у него шанс стать дрессировщиком есть. А дальше уже идут чувства, трудоспособность, то, насколько у тебя хватит энтузиазма, потому что можно ведь и перегореть.

— Вы суеверные люди? Бывали такие моменты, когда чувствовали, что вот сегодня ни в коем случае нельзя входить в клетку?

ЭДГАРД: Потому что Луна не под тем градусом стоит? Нет, такого не бывает. Даже если кошка сорок раз перебежит дорогу, дрессировщик все равно в клетку войдет, мы то с братом уж точно. Вот настроение животных имеет значение. Если видим, что зверь сегодня не в духе, напряженно или плохо себя чувствует и от него идет сильная агрессия, то, как правило, в этот день снимаем его с работы. Тигры и львы могут и просто загулять. Тогда они становятся очень опасными, особенно львы. Тут уж точно лучше переждать, дать зверю самому успокоиться.

АСКОЛЬД: А я суеверный. Мне часто кажется, что вот сейчас не нужно выходить на манеж, потому что может случиться что-то плохое. Но, несмотря на все эти ощущения,

встаю и иду. Какое бы у нас с братом ни было настроение, состояние здоровья, приходит момент, когда нужно собраться и работать. Извините за высокие слова, но мы еще и чувствуем ответственность перед публикой. Это, кстати, еще одно необходимое качество для дрессировщика и вообще циркового артиста.

— Звери ваше настроение чувствуют?

ЭДГАРД: Конечно. И соответственно к нам относятся. Я иногда вижу, как они чего-то не хотят делать, заглядывают в глаза, пытаются угадать, какой ты сегодня. Если мы слишком спокойные, добренькие, то животное точно попытается схлутурить и будет почти уверено, что мы ему простим это баловство. А иногда бывает, зверь в тебе прямо читает: сегодня баловаться нельзя, нужно отработать на все сто, потому что ответственное представление, начальство в зале (смеется).

— Прямо чувствуют начальство?

ЭДГАРД: Да, да. А иногда и вредничать начинают. Понимают, что сегодня, например, аншлаг, значит, нам надо быть очень-очень спокойными, уверенными в себе. И вдруг у них такое беспробудное веселье начинается!

АСКОЛЬД: Они много чего назло делают. У нас есть тигр по кличке Амур. После трюка он должен обязательно отходить на свое место и, по идее, сразу ложиться на барьер. А он стоит и смотрит на меня. Знает, что я требую от него, чтобы он ложился сразу, но будет до последнего стоять и смотреть, играть на нервах.

— На новые костюмы, новый парфюм они реагируют?

ЭДГАРД: К новым костюмам привыкают. А с парфюмом мы перед выступлением не экспериментируем. Зрители все равно не почувствуют, чем от нас пахнет, а тигры и львы не оценят. Хотя однажды брат намазлся мазью — у него было растяжение плеча, и перед работой ему сделали массаж. Тигр, который обычно подходит к нему обниматься, есть у нас такой трюк, вдруг шархнулся в сторону, заметался, испугался этого запаха.

— Когда вы били хлыстом по арене, моя шестилетняя дочка возмущалась: «За что дяди бьют тигриков?» Наверное, воспитывать «артистов» действительно приходится не только пряником?

ЭДГАРД: Вы же своей дочке наверняка давали по попе? Давали. Вот видите.

АСКОЛЬД: Дрессура — это такое же воспитание. За каждый поступок нужно

Запашные: Аскольд, Эдгар, Вальтер Янв. 2005